

В. А. Фатеев

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РЕВОЛЮЦИЯ: «РЕЛИГИОЗНАЯ» ФИЛОСОФИЯ С НИГИЛИСТИЧЕСКОЙ ПОДКЛАДКОЙ

В статье рассматриваются публицистическая деятельность и философские взгляды Льва Толстого в свете 100-летней годовщины революции. В центре исследования — псевдорелигиозное социально-этическое учение Толстого, его формирование и разлагающее влияние на предреволюционное общество. При внешней религиозности учение Толстого о «непротивлении злу насилием» с его острой критикой государства и Церкви под видом отстаивания подлинно христианских нравственных ценностей сеяло социальное недовольство. Благодаря огромному авторитету Толстого как выдающегося писателя, его учение заметно способствовало росту нигилистических настроений в русском обществе накануне революции 1905 г. Толстовство сыграло также важную роль в создании идейной атмосферы, подготовившей трагические события 1917 г.

Ключевые слова: Лев Толстой, революция, философия, нигилизм, христианство, этическое учение, религия, Церковь, государство, литература, рационализм, сектантство.

*Христианство Толстого было недоразумением.
Он говорил о Христе, а имел в виду Маркса.
Освальд Шпенглер¹*

Толстой — один из величайших гениев мировой художественной литературы. Если сразу после выхода в свет романа «Война и мир» читатели еще не поняли всё величие этого романа-эпопеи, то после блестящих статей о «Войне и мире» Н. Н. Страхова, смело назвавшего этот роман шедевром мировой литературы, и особенно после выхода второго великого романа, «Анна Каренина», за Толстым прочно закрепилась слава выдающегося художника слова. А когда появились переводы главных романов Толстого на европейские языки, они получили всемирное признание, которое не ослабевает до сих пор.

Валерий Александрович Фатеев — кандидат филологических наук, член редакционной коллегии издательства «Росток» (vfateyev@gmail.com).

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 201.

Но познавшему славу писателя Толстому этого было мало: ему очень хотелось показать себя не только мастером художественной словесности, но и мыслителем. Уже в своих гениальных романах он время от времени пускался в философские рассуждения, хотя придирчивые критики находили, что эти размышления не слишком органично вписываются в повествовательную ткань произведений, а самые строгие из них писали даже, что эти «инкрустированные» размышления представляют собой самые слабые места замечательных романов. Тем не менее, тот же Страхов, близкий к Толстому, вполне искренне считал, что великий писатель имеет способности к философскому мышлению, хотя отказывал в этом особом даре таким известным литераторам, как К. Д. Кавелин и М. Н. Катков².

Однако гениальный талант изобразительности трудно сочетался у Толстого с даром мышления. Мучительные поиски им смысла жизни привели к тому, что духовные искания практически вытеснили художественное творчество. Впрочем, ответами умозрительной философии Толстой также не собирался довольствоваться — у него не было склонности к метафизической философской мысли традиционного типа. Философию он понимал как искание разумных оснований мироустройства, правил нравственного поведения, и после драматического духовного переворота пришел к тому, что стал ощущать себя учителем праведной жизни, даже религиозным пророком.

Для России это не удивительно: как писал позже В. В. Розанов, «по количеству пророков Россия, конечно, есть самая пророчесственная страна...»³. Наши выдающиеся писатели очень часто, достигнув большого успеха в художественной литературе, начинали пророчествовать. Здесь Толстому было на кого равняться. Пророческие нотки звучали у Пушкина, Лермонтова, славянофилов, не говоря уже о позднем Гоголе времен «Переписки с друзьями». Рядом с Толстым были и Ф. М. Достоевский, выступивший в 1881 г. с пророческой речью о Пушкине, и Владимир Соловьев, который пророчествовал то о всемирной теократии, то о приходе Антихриста. Томился в забвении еще один, тогда совсем не признанный пророк, «страстный реакционер» К. Н. Леонтьев, который предсказывал самый мрачный ход мировой истории и нравился Толстому тем, как он «бьет стекла». И неудивительно, что у выдающегося писателя само собой вызрело желание примкнуть к этой характерной традиции

² Страхов Н. Н. Философские очерки. Изд. 2-е. Киев, 1906. С. IV.

³ Розанов В. В. Когда начальство ушло. М., 1997. С. 404.

русской литературно-философской мысли. Но пророки — первооткрыватели новых великих истин, и под пророческим духом подразумевается нечто оригинальное, небывалое и глубокое. Толстой же как мыслитель до положения «мудреца» своего времени явно не дотягивает, прежде всего, по одной причине: его псевдопророческое учение — лишь вульгарная интерпретация Евангелия, которое он трактует слишком буквально и превращает в школу нравоучительного рационализма, сводя религию к этическим правилам разумно-здорового поведения.

Обычно представляют, что назидательно-проповеднические нотки зримо проявились у Толстого лишь после известного духовного поворота 1870-х гг. Однако, как это ни поразительно, замысел собственного пророческого предназначения подспудно зрел в душе Толстого задолго до его религиозно-проповеднических трактатов и даже до «Войны и мира». 4 марта 1855 г., когда ему не исполнилось и тридцати и он еще заглядывал в церковь, Толстой сделал в дневнике такую важнейшую запись: «Нынче я причащался. Вчера разговор о божест<венном> и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь»⁴.

Что же это за «громадная» мысль? Поразительным образом она совпадает с тем, к чему Толстой пришел и что попытался осуществить четверть века спустя после долгих и мучительных раздумий: «Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле»⁵. Создание на основе христианства новой мировой религии без мистики и чудес, дающей душевное равновесие в земной жизни — это буквально то, что и попытался осуществить Толстой в последние десятилетия своей жизни.

* * *

Если посмотреть на религиозно-этическое учение Толстого, созданное им в начале 1880-х гг., с философской стороны, то оно сразу наводит на мысль об отсутствии глубины и самостоятельности мысли.

В деистической философской системе Толстого признается Бог, который рассматривается лишь как некое отвлеченное высшее начало,

⁴ Толстой Л. Н. Дневник. 1855 г. // Толстой Л. Н. ПСС. Т. 47. С. 37.

⁵ Там же.

Творец мира, установивший его законы, но остающийся по отношению к человеку чем-то внешним и совершенно непознаваемым. Никакой связи между человеком и Богом, согласно Толстому, быть не может (вспомним, однако, что само латинское слово *religio* и означает «связь»). Знание «мира иного» нам не дано, и поэтому мы остро нуждаемся в таком мировоззрении, которое позволит нам жить, не впадая в отчаяние от ее бессмысленности, т. е. религия рассматривается исключительно как форма морального самосовершенствования в мире, путь к жизненному благу. Таким образом, рационалистическая «вера» Толстого, ничего не знающая о бессмертии и искуплении, отвергающая чудеса и таинства, является скорее не религиозным, а моралистическим учением, сводом этических наставлений для праведной жизни, лишь имитирующей внешние признаки религии. Даже авторы предисловия к религиозно-философским трактатам Толстого в Полном собрании его сочинений прямо указывают на это внутреннее противоречие взглядов Толстого: «Итак, толстовская „вера“ — только синоним силы жизни, осмысленного существования, условие сознающей свое назначение деятельности»⁶.

Легко убедиться также, что и относительно новизны религиозно-философское учение Толстого не представляет собой ничего оригинального: это эклектическая смесь самых разных идей. Все религии, как он убеждает своих читателей, говорят об одном и том же. Не случайно сам Толстой обнаруживает точки соприкосновения своего «мироразумения» с учениями Сократа, Конфуция, Будды, Шопенгауэра и прочих вселенских мудрецов. Даже дружески расположенный к Толстому Страхов четко указывает в письме к И. С. Аксакову на сектантскую принадлежность мировоззрения писателя-проповедника: «Затем, в догматическом отношении он, конечно, большой еретик; он квакер в практическом учении и унитарий в метафизическом»⁷. Американские квакеры, как сообщает сам Толстой в трактате «Царствие Божие внутри вас», прислали ему свои книги, брошюры и журналы, из которых он увидел, что секта квакеров практикует учение о непротавления злу насилием уже двести лет. Что же касается унитариев, или антитринитариев, отвергающих, как и Толстой, концепцию Троицыного Бога (Пресвятую Троицу), они существуют как еретическое направление со времен арианства.

Религиозная сторона учения Толстого находится в несомненной зависимости от философии протестантизма. Многие идеи он черпал,

⁶ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 23. С. X.

⁷ И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка. М.; Оттава, 2007. С. 135.

как следует из его переписки со Страховым и В. В. Стасовым, из сочинений Г. Арнольда, Л. Тишендорфа и других лютеранских теологов. Кстати, именно по этой причине религиозное учение Толстого имело несравненно большую популярность в протестантских странах Западной Европы и в Америке, нежели в России.

Вера Толстого в Бога имеет несомненную пантеистическую окраску: она ограничивается признанием высшего начала как некоего повелевающего абстрактного «Хозяина» и души, сливающейся после смерти с мировым целым.

Через пессимизм Шопенгауэра, черпавшего вдохновение в буддизме, Толстой пришел к изучению восточной философии, обратившись к сочинениям Лаоцзы и других восточных мудрецов. Учение Толстого о непротивлении злу насилием, его опора на нравственный закон, взгляды на бессмертие и индивидуальность (точнее, его очевидный пессимизм и вытекающая из него проповедь отречения от недостойной действительности, обожествление небытия, а также подчеркнутый имперсонализм), как и его аскетические тенденции, перекликаются скорее с буддистской, чем с христианской философией. Можно говорить о созвучности многих идей Толстого, выраженных, в частности, в трактате «О жизни», с метафизическими идеями буддизма.

Учение Толстого, который последовательно убирал из мировоззрения всё иррациональное, имеет также сходство и с позитивизмом. В 1885 г., в беседе с учителем детей И. М. Ивакиным, Толстой вспоминает о встрече с последователем философии Конта неким В. Фреем (псевд. В. К. Гейнса). Огюст Конт, как известно, провозгласил себя первосвященником «Религии Человечества» — «новой религии» без Бога, исповедовавшей «культ Человечества», служения людскому благу. Сам Толстой определяет собственное мирозерцание как похожий на взгляды Фрея и Конта религиозный позитивизм: «Видите, позитивизм есть разный. Есть научный — вот это Литтре, Вырубов, а то есть религиозный, воззрения которого близки к моим!»⁸. Религиозность здесь, как и в случае философии Конта, весьма условная: подобно Конту и другим позитивистам, Толстой опирался исключительно на «разумение», т. е. на рассудок.

Наконец, этический радикализм «христианского» по своим внешним признакам мировоззрения Толстого с его полным отрицанием государственных институтов, власти, армии и Церкви во имя свободы личности

⁸ Ивакин И. М. Воспоминания о Толстом // Серия «Литературное наследство». Т. 69: Лев Толстой. М., 1961. Кн. 2. С. 77.

обнаруживает определенное сходство с анархизмом воинствующего атеиста-революционера Михаила Бакунина. Николай Бердяев утверждал в 1907 г., что отрицающий государство и культуру Толстой — самый последовательный и самый радикальный анархист, и заявлял даже (не без одобрения), что «революционный анархизм Бакунина бледнеет от сравнения с анархическим учением Л. Толстого»⁹.

Таким образом, религиозно-философское учение Толстого представляет собой не единую систему воззрений, а эклектическую смесь самых разнообразных и неоднородных, преимущественно заимствованных идей, не последнее место среди которых занимают нигилистические элементы.

* * *

Уже сама сердцевина нравственного учения Толстого — не плод самостоятельной работы мысли, а прямое заимствование из Нагорной проповеди с очевидной тенденцией к ее полному упрощению. В богословской литературе не раз подчеркивалось, что отражающая нравственное учение Христа Нагорная Проповедь — не свод моральных истин, исполнение которых, согласно Толстому, является высшим благом человеческой жизни, а нравственное основание целостной системы христианской веры в вечную жизнь и Царствие Небесное. Но проповедующий любовь «пророк непротивления», не знающий Божией благодати и не признающий Креста, сводит глубочайшее содержание Нагорной проповеди к букве прописных истин, неукоснительное исполнение которых он представил в виде основного закона жизни в вере.

Религиозно-этическое учение Толстого самым подробным образом изложено в его сочинениях, прежде всего в таких, как «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1882), «В чем моя вера?» (1882–1884), «Исследование догматического богословия» (1884), «Царство Божие внутри нас» (1890–1893).

Из этих сочинений видно, что Толстой подошел к изучению вопроса о религии и вере очень основательно. Он «перелопатил» огромное количество литературы, добыть которую ему с готовностью помогали многие, и особенно — преклонявшиеся перед его талантом сотрудники Императорской публичной библиотеки Н. Н. Страхов и В. В. Стасов.

⁹ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.. 1907. С. 139.

Изучив Священное Писание, Толстой отверг Ветхий Завет, но пришел к выводу, что христианское учение, изложенное в Евангелиях от Матфея, Иоанна, Луки и Марка, содержит бесценные зерна подлинной веры. Однако для того, чтобы выявить учение во всей полноте и ясности, он посчитал абсолютно необходимым отделить зерна от плевел. Толстой остался недоволен традиционным переводом Нового Завета и решил свести воедино изложение евангельских событий и истин в собственном переводе.

Это был, конечно, очень самонадеянный поступок. Составляя собственный евангельский свод, который явно по цензурным соображениям получил скромное название «Соединение и перевод четырех Евангелий», Толстой стремился избавить евангельский текст от затуманивающих, по его мнению, смысл наслоений, дать простое и ясное учение, понятное народу. При всем великом уважении к гениальному романисту, «Евангелие Толстого» (а именно так зачастую называли еретическое творение занявшегося не своим делом великого писателя) представляет собой нечто совершенно курьезное.

Забавные детали о том, как Толстой заново «переводил» Евангелие, можно почерпнуть из страниц воспоминаний И. М. Ивакина¹⁰. Не церемонясь с текстом и специально выискивая с помощью этого учителя классических языков (сам писатель «знал мало по-гречески») такие значения слов, которые должны были подтвердить его взгляды, «религиозный реформатор» решительно убирал всё, что касалось чудес. Ивакин вспоминал: «Иногда он прибегал из кабинета с греческим Евангелием ко мне, просил перевести то или другое место. Я переводил, и в большинстве случаев выходило согласно с общепринятым церковным переводом. „А вот такой-то и такой-то смысл придать этому нельзя?“ — спрашивал он и говорил, как хотелось бы ему, чтоб было... И я рылся по лексиконам, справлялся, чтобы только угодить ему, неподражаемому Л. Н...»¹¹. Толкования Церкви были для Толстого неубедительны, и он давал свои. Так, вместо «логоса» он использовал термин «разумение» (или «разумение жизни») и вывел предельно рационалистическое определение Создателя: «Разумение есть Бог». Не признавая «возвестившего о благе» Иисуса Христа воплотившимся Богом, он усердно счищал с евангельского текста «чудесный налет» в духе Штрауса или Ренана и подгонял перевод под свое учение. В то же время Толстой был наивно уверен,

¹⁰ Ивакин И. М. Воспоминания о Толстом... С. 21–124.

¹¹ Там же. С. 40.

что добился высокой точности: «Это такая точность, никакому Страхову не уступит»¹².

* * *

Но наиболее интересное произведение из проповеднических книг Толстого — его «Исповедь» (1879–1882). В ней на конкретных жизненных эпизодах раскрывается противоречивый духовный путь писателя, в то время как остальные религиозно-философские «трактаты» наполнены весьма спорными и категоричными рационалистическими суждениями или начетническим выискиванием в евангельских текстах таких высказываний, которые противоречили бы современной ему церковной практике. Толстой считал себя человеком верующим, и путь его к вере, как он ее понимал, был тернист и крут. На этом пути он решительно отвергал то, чему раньше поклонялся.

Надо отметить, что Толстой прилагал огромные усилия, чтобы найти истину, и он отверг церковное богословие и православную веру не сразу. Но общение с церковными иерархами и крупными богословами не дало ему ни малейшего удовлетворения, да и не могло удовлетворить — ввиду его крайнего рационализма. Толстой остался совершенно глух к самым основам православия, изложенным хотя бы в Символе веры. Он никак не мог уразуметь идею Пресвятой Троицы, «единосущной и нераздельной», с наивностью и упрямством доказывая ее абсурдность с точки зрения здравого смысла. Соответственно он отрицал и божественность Христа, а это уже означало скрытую духовную катастрофу, так как вся «религиозная» постройка его «христианского» учения, созданная титаническим усилием ума и воли, зиждилась на песке безверия. Не осознавая этой трагедии, Толстой с энергией, присущей его могучей творческой личности, и с категоричностью, присущей скорее пропагандисту, нежели серьезному мыслителю, пустился во все тяжкие, проповедуя собственное учение и «разоблачая» Церковь, которая, по его мнению, вопреки заповедям Христа слишком срослась с государством.

Впрочем, существуют мнения, что на самом деле подлинный духовный рост Толстого отразился в его «Дневнике», а «Исповедь» — всего лишь пропагандистское сочинение, в котором жизненный путь Толстого

¹² Там же. С. 42.

показан как его последовательное восхождение к своему религиозно-этическому учению.

Главное, что взял Толстой у Христа — проповедь *любви и непротивления злу насилуем*. Однако постепенно и не очень заметно эта проповедь всё более принимала характер антигосударственной политической агитации, в которой он сближался с диссидентской деятельностью сектантов и политических оппозиционеров, революционеров-нигилистов. Правда, революционеры отрицательно относились к идеям Толстого из-за неприятия им насилия как метода социальной борьбы. Толстой действительно на словах отвергал насильственные действия. Но в то же время свое учение о «непротивлении злу насилуем» он использовал как мощную ударную силу, с помощью которой надеялся победить нестроения этого мира.

Много говоря в своих статьях-проповедях о любви и непротивлении, Толстой на деле агрессивно выступал против властей, разрушая устои государственности. У Толстого, в глубине души претендовавшего на создание новой религии или, по крайней мере, на «правильное» истолкование христианской веры, появилось огромное количество восторженных почитателей. Но было у новоявленного «пророка» и немало идейных противников, в том числе среди тех, кто восторгался его гениальными романами. Разногласия проникли и вглубь семьи. Видя нигилистическую подоплеку его проповеднических сочинений, С. А. Толстая в 1892 г. упрекала мужа в письме: «Погубишь ты нас всех своими задорными статьями. Где же тут непротивление и любовь?»¹³. А позже она прямо писала в «Дневнике» об одной из новых художественных работ писателя: «И, вероятно, дальше будет опоэтизирована революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н. несомненно сочувствует»¹⁴.

* * *

Справедливости ради следует признать, что при всех очевидных противоречиях Толстой скорее все же был искренен в своих духовных исканиях. И если ему и был присущ грех гордыни, как об этом убедительно пишут многие из его современников, то он таился в глубинах его противоречивой души. Главная особенность учения Толстого состояла в том, что оно имело религиозную форму, и он выступал перед людьми как человек *верующий*. Помимо искренности и убежденности Толстого,

¹³ Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.; Л., 1936. С. 490.

¹⁴ Дневник Софьи Андреевны Толстой. 1897–1909. М.: Север, 1932. С. 242.

его учение привлекало жаждущих веры своей простотой. Страстно убеждая людей строить свою жизнь по воле Бога, он своим нравственным примером делал многих людей лучше и благороднее. Невольно прислушиваясь к искреннему голосу Толстого, даже бывшие радикалы и атеисты начинали проникаться христианским духом. Толстой много сделал для усиления религиозных настроений среди интеллигенции. Помимо толстовцев, верных последователей моралистического учения, иногда даже более ортодоксальных, нежели сам Толстой, интерес к его идеям испытывали многие известные в литературном мире люди, среди которых могут быть упомянуты, например, Н. С. Лесков, Н. Н. Страхов, В. В. Стасов, М. А. Новоселов, М. О. Меньшиков, С. Н. Дурылин. Однако огромный авторитет, который приобрел Толстой как учитель и проповедник, был бы невозможен без того огромного нравственного и эстетического влияния, которое продолжали оказывать его гениальные художественные произведения.

Правда, следует отметить и еще одну очень важную составляющую небывалого успеха его проповеди в обществе. Русское культурное общество второй половины XIX века было настроено очень либерально, а среди значительной части молодежи царили и более радикальные настроения, вплоть до жажды революционных преобразований в духе социализма. Получилось так, что эти нигилистические настроения подпитывались в пропагандистской деятельности Толстого, призывы которого к преобразованию общества путем морального совершенствования на деле представляли собой поощрение бунтарства.

В процессе формирования своего учения Толстой, следуя букве евангельского текста в собственной интерпретации, последовательно отверг все основные социальные институты. Он отверг Церковь, которая не устраивала его непонятными для него догматами и таинствами, а также слишком тесными связями с государством. Он отверг и государство, которое, по его мнению, было антихристианским, так как опиралось на насилие. Он отверг армию на том пацифистском основании, что войны, убийство противоречат христианскому учению. Наконец, автор гениальных романов отверг даже и художественное творчество как занятие пустое и праздное, ничего не дающее для нравственного совершенствования.

Внешне проповедуя христианские истины, Толстой выработал анархистско-нигилистическое учение, неуклонно следуя которому, он стал активным противником Церкви и государства. Великий

писатель использовал свою всемирную славу для проповеди бунта и неповиновения.

* * *

Самой реакционной личностью, олицетворением ретроградства и своим основным идейным противником Толстой, подобно многим, считал обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. Их первое столкновение состоялось в 1881 г., после убийства террористами Царя-освободителя. Победоносцев отказался принять от Н. Н. Страхова, с которым был знаком, письмо Толстого для передачи наследнику престола Александру III с просьбой о помиловании убийц. Позже он объяснил причину отказа Толстому так: «...прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос»¹⁵.

Победоносцев после религиозного поворота Толстого не раз высказывался о его новых взглядах, о которых был хорошо осведомлен, крайне отрицательно. Так, он писал графу Д. А. Толстому 26 декабря 1882 г.: «Граф Толстой в последние годы вдруг переменял еще раз свою фантазию, впал в религиозную манию. Это разрешилось совершенным его отчуждением от христианства в смысле верования. Он составил перифраз Евангелия с комментариями, исполненными цинизма, в котором, опровергая и учение о личном божестве и о божественности Христа Спасителя, проповедует христианскую мораль в рационалистическом смысле»¹⁶.

Толстой часто отзывался о Победоносцеве как о главном виновнике всех бед России. Одна из самых резких характеристик содержится в его письме к Николаю II, отправленном в Петербург в декабре 1900 г.: «Вы, наверное, не знаете и одной тысячной тех ужасных, бесчеловечных, безбожных дел, которые творятся вашим именем. <...> Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя к<оторого>, как образцового злодея, перейдет в историю — Победоносцевым»¹⁷. Хотя эти страстные слова осуждения в основную редакцию письма не вошли, они вполне выражали отношение Толстого к обер-прокурору Св. Синода.

¹⁵ Цит. по: *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 63. С. 59.

¹⁶ Государственный Литературный музей. Летописи. Кн. 12. М., 1948. С. 208.

¹⁷ *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 72. С. 516.

Не имея прямого доступа в печать из-за цензурных запретов и одновременно чувствуя свою безнаказанность, Толстой считал подобные критические письма к официальным лицам одним из наиболее действенных форм выражения своих социальных протестов. Такие письма редко становились достоянием печати, в отличие от его публицистических статей и книг, печатавшихся за границей или размноженных на гектографе в огромном количестве экземпляров. Ответы на свои письма от высокопоставленных лиц Толстой также получал далеко не всегда, но эти письма укрепляли Толстого в чувстве значимости своей общественной деятельности. Сочинения Толстого становились всё нетерпимее к властям и Церкви, и почти все они подвергались цензурным запретам. С 1880-х гг. вышло огромное количество литературы, показывающей антиправославный и нигилистический характер учения Толстого. Но это не помогало, так как запрещенная литература привлекала к себе повышенный интерес и расходилась подпольно в огромном количестве экземпляров. Власти не знали, как поступить со всемогущим писателем-бунтарем.

В феврале 1901 г. на заседании Св. Синода было принято вынужденное решение отлучить Толстого от Церкви. В советское время было принято считать, что инициатором отлучения Толстого был именно К. П. Победоносцев. Так, даже в Полном собрании сочинений Толстого, в предисловии к тому писем за 1901 г. утверждается: «По инициативе Победоносцева и с благословения Николая II синод приказал предать имя Льва Толстого, „еретика и вероотступника“, „проклятию и анафеме“»¹⁸. Однако это совершенно не соответствует действительности. Во-первых, отлучение, или анафема, не есть проклятие. Определение Св. Синода лишь заявляло от лица Церкви, что сам Толстой своими произведениями и своей общественной деятельностью поставил себя вне православной Церкви. Во-вторых, Победоносцев, который действительно крайне отрицательно относился к деятельности Толстого, не был инициатором осуждающего постановления. Что же касается царя, он, согласно исследованиям, даже не был поставлен в известность о работе по созданию акта отлучения и, следовательно, не был сторонником крайних мер по отношению к взбунтовавшемуся писателю. А умный, рассудительный Победоносцев не мог не понимать, что в результате запретных мер популярность Толстого после этой меры только вырастет. Было очевидно, что власти не хотели скандала.

¹⁸ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 73. С. XXVI.

Бывший чиновник особых поручений при Св. Синоде, миссионер В. М. Скворцов в категорической форме засвидетельствовал в 1915 г., что Победоносцев инициатором отлучения Толстого не был: «Для меня лично не представляет сомнения, что К. П. Победоносцев не был ни инициатором, ни сторонником отлучения от Церкви „яснополянского философа-богоборца“»¹⁹. Подробно разобрав историю отлучения, Скворцов сообщал, что Победоносцев заявлял уже после более раннего предложения священника И. Фуделя запретить служить панихиду по Толстому (тяжело болевшему в то время): «Мало еще шуму-то около имени Толстого, а ежели ему теперь, как он [о. И. Фудель. — В. Ф.] хочет, запретить служить панихиду и отпевать Толстого, то ведь какая подымется смута умов, сколько соблазну будет и греха с этой смутой? А по моему, тут лучше держаться известной поговорки: не тронь...».

В печати велась обличительная кампания по адресу церковной власти, которая-де боится открыто высказать свое отношение к еретичеству великого писателя. Непосредственным толчком к синодальному акту, как пишет Скворцов, послужил доклад Д. С. Мережковского «Отношение Льва Толстого к христианству» на заседании Философского общества Санкт-Петербургского Императорского университета, где он обличал писателя за то, что в основу своих этических воззрений он полагает идею земного счастья и благополучия, и особенно шумная защита Толстого от этих нападков лектора со стороны либерального священника Григория Петрова. Инициатива об издании акта 20–22 февраля 1901 г., как заявил Скворцов, исходила от первенствующего члена Св. Синода митрополита Антония (Вадковского), «и совершенно неожиданно и в настойчивой форме». Победоносцев после решения, принятого членами Св. Синода, лишь написал проект синодального постановления. Был выпущен правительственный циркуляр о запрещении печатать в газетах телеграммы и известия о выражении сочувствия отлученному от Церкви гр. Л. Н. Толстому. Отлучение, как и предполагал Победоносцев, имело обратный эффект. 24 февраля в Москве состоялась грандиозная демонстрация в поддержку Толстого. С. А. Толстая писала в «Дневнике»: «Бумага эта вызвала негодование в обществе, недоумение и недовольство среди народа. Льву Николаевичу три дня делали овации, приносили корзины с живыми цветами, посылали телеграммы,

¹⁹ Скворцов М. К истории отлучения Л. Н. Толстого // Колокол. 1915. № 2850. 10 ноября. С. 1–2.

письма, адреса»²⁰. Опальный кумир либерально настроенной публики был буквально вознесен до небес и стал символом социального протеста, своего рода «некоронованным королем» оппозиции.

Эту необычную ситуацию выразительно обрисовал в своем «Дневнике» 29 мая 1901 г., через три месяца после отлучения Толстого, Алексей Суворин: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост»²¹. Последняя фраза — не преувеличение ради красного словца. Власти явно пребывали в растерянности. Толстого можно было бы отправить в ссылку, но репутация «апостола правды», которая и без того была чрезвычайно высока, выросла бы настолько, что это не могло не привести к опасному росту антигосударственных настроений. Тем более что сам Толстой был готов и даже стремился пострадать за идею: он осознавал, что репрессии еще более вознесли бы его в глазах либерально настроенного общества.

Одним из наиболее действенных мероприятий, которые предпринимал Толстой, по-прежнему были его критические письма к официальным лицам. 16 февраля 1902 г. Толстой обратился к царю с длинным письмом-прошением, именуя монарха «любезный брат» — он мотивировал это тем, что обращался «не столько к царю, сколько к человеку и брату»²². Письмо было направлено прежде всего против политики насилия. Толстой уверял, что самодержавие является отжившей формой правления, что православие устарело и «наиболее духовно развитые люди народа» отступают от него и подвергаются преследованиям. Он свидетельствовал о нищете и голоде народа, о всеобщем недовольстве правительством и враждебном отношении к нему, о религиозных гонениях, о запретах цензуры. Толстой требовал от имени «русского народа» прекратить административный произвол, насилие и гонения и уничтожить право земельной собственности и признание земли общим достоянием, фабрики и заводы в общее пользование рабочих. Толстой подавал себя противником революции: он уверял, будто отмена земельной собственности

²⁰ Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 15.

²¹ Суворин А. С. Дневник. Пг., 1923. С. 82.

²² Толстой Л. Н. ПСС. Т. 73. С. 185–191.

«уничтожит всё то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу и правительству». Предлагая царю «вступить на новый путь жизни», Толстой как бы выступает с предупреждением об опасности, но на самом деле поощряет недовольство. Письмо было передано Николаю II, однако ответа на него Толстой, естественно, не удостоился. Это письмо-воззвание, известное лишь в черновике, является убедительным свидетельством той огромной роли, которую играл Толстой в развитии революционной смуты накануне 1905 г.

Под видом евангельского проповедника Толстой неумоимо обличал существующий строй и призывал к революции. Его сочинения, разошедшиеся огромными тиражами, представляли особый соблазн именно потому, что разрушительная пропаганда велась в форме христианской проповеди. Более того, Толстой неизменно заявлял, что он является противником насильственных действий, и тем самым привлекал не только оппозиционно настроенных политиков-радикалов, но и жаждущую подлинной веры молодежь.

Поэтому власти были поставлены перед необходимостью показать, что псевдорелигиозное учение Толстого не имеет ничего общего не только с православием, но и с настоящим христианством вообще. Литература против Толстого лилась почти непрерывным потоком, но она была бессильна одолеть авторитет великого писателя, снискавшего ореол гонимого пророка. Критика, запреты и преследования не только не останавливали Толстого, но и добавили ему сил в борьбе против существующего строя. На протяжении последнего десятилетия своей жизни Толстой, купаясь в неофициальной, то есть настоящей народной, славе, неустанно обличал правительство, бичуя его постыдную политику репрессий.

Эта слава только усиливалась из-за того, что революционная риторика имела пристойный вид евангельской проповеди философии любви и непротivления злу. В этом отношении идеи Толстого чрезвычайно противоречивы. В своих сочинениях он убеждал, что отрицает революционный путь преобразования мира, и, видимо, действительно верил, что лишь «духовная революция» в соответствии с его учением способна принести избавление обществу от «зла» и предотвратить «революционную бурю». Но Толстой не желал заметить, что носители «зла» в его учении и в прокламациях революционеров были схожи. И чем отчетливее слышался гул приближающихся революционных битв, тем настойчивее он выступал с проповедью непротivления злу насилием. Толстой

призывал «одуматься», «опомниться», имея в виду сторонников революционного насилия... Только парадокс заключался в том, что чем громче кричал Толстой о «непротивлении», тем сильнее звучали в его речах призывы к недовольству и неповиновению.

Провозглашенный Толстым путь ненасильственной «духовной» революции был многими услышан, но накануне революционной смуты 1905 г. наибольший резонанс в обществе получили именно обличительные идеи Толстого.

11 марта 1910 г. Толстой с явным сочувствием отзывался в «Дневнике» о революции 1905 г. и, предвидя неизбежность новых социальных потрясений, оправдывал их: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидал несправедливость своего положения. <...> И вытравить это сознание уже нельзя. И что же делает наше правительство, стараясь подавить неистребимое сознание претерпеваемой неправды, увеличивает эту неправду и вызывает все большее и большее злобное отношение к этой неправде...»²³.

1 ноября 1905 г., когда вся Россия озарилась пламенем пожаров, музыкальный и художественный критик Владимир Стасов послал Толстому восторженное, как всегда, письмо, в котором торжественно объявлял его пророком разразившейся в России революции:

«Я поспею сказать вам в настоящую минуту только еще одно: приходило или нет вам в голову, что все нынешнее торжественное освобождение России от самодержавия, деспотизма векового и безобразия постыдного происходит — по завету никакому иному, как ВАШЕМУ? Приходило Вам это в голову или нет? А между тем — это именно так, и история однажды запишет это на своих скрижалях какими-то бриллиантовыми буквами. Не вы ли всегда учили, не вы ли указывали на единственную возможность освободиться от всех человеческих бедствий, безумий и несправедливостей, насилий и варварств (военной службы, налогов, тюрем, палачей, каторг, судов и т. д. и т. п. — вся процессия человеческих мерзостей) — остановкой своей деятельности, своим неучастием во всем подобном, своим отказом? Новая Россия нынче освобождается этим способом, которому никто не хотел было верить, все думали до сих пор, что это только фантазия, мечты, бред воображения, идеальности. Но вышло, что вы ПРОРОК И ПРОВИДЕЦ: наше освобождение именно по вашему слову и указанию совершается... И оттого-то

²³ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 58. С. 24.

русская революция и переворот таковы, каковых до сих пор еще никогда не видано и не слыхано»²⁴.

Здесь сразу вспоминается по аналогии, конечно, знаменитая статья Ульянова-Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Однако, по мнению Ленина, Толстой — не один из творцов революции, а лишь ее «зеркало», только отражение противоречий крестьянства, мешавших осуществлению радикальных целей революционной партии. Более того, коренной пункт Толстого о «непротивлении злу насилием» Ленин выставляет как причину поражения революции 1905 г. Но критикуя Толстого как «помещика, юродствующего во Христе», Ленин констатирует, что Толстой «отразил накипевшую ненависть» народа к власти.

* * *

Поздний Толстой — прежде всего не художник слова, не философ, а публицист. В 1870-е гг. Толстой настоятельно рекомендовал Страхову не погружаться в журнально-газетную критику с ее приземленностью и пошлой суетой. Но в последние десятилетия своей жизни, забыв об этих советах, сам с головой ушел в антиправительственную и антицерковную журналистику на злобу дня.

Один из типичных примеров — статья «Не могу молчать» (1908), в которой Толстой снова выразил гневный протест против череды смертных приговоров. Обращаясь к властям, Толстой открыто писал в обличительном тоне: «Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей степени»²⁵. Публицист Михаил Меньшиков, испытывавший прежде влияние толстовства, опубликовал в «Новом времени» фельетон «Лев Толстой как журналист». В нем он в резкой форме критиковал Толстого за то, что писатель променял свой выдающийся талант художника на заурядную риторику оппозиционной журналистики: «„Не могу молчать“ — просто слабо написанная, не волнующая, не убедительная статья... Самый плохой сорт писаний великого беллетриста — его газетная публицистика. Тут он почти никогда не выше посредственности, часто ниже ее. О таланте Толстого в этой области не может быть и речи. По раздраженному тону, по анархизму банальных идей, по партийной

²⁴ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906. [Л.:] Прибой, 1929. С. 382–383.

²⁵ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 37. С. 91.

озлобленности, по ожесточенной ненависти к „правительству“ и „попам“ Лев Толстой падает иногда до какого-нибудь плебея мысли... В истории литературы, в истории просвещения будет известен романист Лев Толстой. О том же, что он писал, кроме беллетристики, религиозные, философские, политические статьи, будут знать разве лишь академики из усидчивых крохоборов»²⁶.

Еще сильнее подверг Меньшиков критике писателя в написанной через месяц статье «Толстой и власть», где он трактует вполне диссидентские идеи Толстого как «подговор к насилию» и делает вывод о неполной искренности апологета непротивления: «Стало быть, если Толстой настаивает на том, чтобы правительство воспользовалось своей властью для отмены земельной собственности, то он допускает в этом случае все самые чудовищные формы насилия, которые столь сурово осуждает. Выходит, что он осуждает лишь то насилие, которое идет против его идей, а то, которое стоит за его идеи, он признает. Но ведь это то же самое, что признают обыкновенные революционеры. Куда же девалась у Льва Николаевича знаменитая заповедь о непротивлении злу насилием?»²⁷. Меньшиков, как и многие другие критики публицистики писателя, обращает внимание на явное расхождение между проповедуемой Толстым философией «непротивления» и практическим воздействием на общество его статей.

Лев Толстой ответил на эту статью Меньшикова письмом в самом смиренном тоне, словно поставив себе цель проиллюстрировать на этом примере идею христианской любви к врагам.

В отличие от Меньшикова, друг и восторженный почитатель Толстого Н. Н. Страхов, расхвалившийся с ним по многим вопросам, до конца своих дней ценил нравственный пафос жизни и творчества Толстого. Он так и умер в надежде, что христианское учение гения литературы приведет бунтующую молодежь и либеральную интеллигенцию к вере. Но дальнейший ход событий ясно показал, что упования Страхова были беспочвенны: на деле Толстой под личиной христианства неуклонно вел русский народ к революции. И это очень скоро подтвердилось.

Сейчас, когда восторжествовал либеральный «плюрализм мнений», а Церковь давно отделена от государства, нередко делаются попытки оправдать еретические сочинения позднего Толстого. В частности, приводится довод, что писатель един, и механическое деление его творческого

²⁶ Меньшиков М. Лев Толстой как журналист // Новое время. 1908. № 11614. 11 июля.

²⁷ Он же. Толстой и власть // Новое время. 1908. № 11642. 10 августа.

наследия на части, а его цельной личности на «художника» и «мыслителя» вряд ли правомерно. Признавая гениальными художественные творения Толстого, следовало бы, мол, по достоинству оценить или хотя бы более терпимо отнестись и к его религиозной публицистике. Ставится вопрос и об отмене, во имя свободы и справедливости, постановления Св. Синода об отлучении Толстого от Церкви.

Конечно, жизненный путь и творческое наследие Толстого должны изучаться как единое целое, и в этом смысле несколько обойденные вниманием в атеистическую эпоху религиозно-этические трактаты писателя заслуживают большего интереса исследователей. Однако основательное знакомство с поздними моралистическими сочинениями Толстого позволяет сделать вывод, что они не читаются именно ввиду своих сомнительных религиозно-философских и публицистических достоинств и все-таки не идут ни в какое сравнение с классическими литературными шедеврами писателя.

Что же касается отлучения, то трудно не согласиться с детально изучившим этот вопрос священником Георгием Орехановым, который заявляет, что «вовсе не синодальное определение отлучает Л. Н. Толстого от вечной жизни, а его собственные взгляды, его собственное неверие в эту вечную жизнь»²⁸. Отмена отлучения была бы неуважением к самому писателю, который сознательно ушел из Церкви, и нарушении его прижизненной воли.

Источники и литература

1. Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.
2. Государственный Литературный музей. Летописи. Кн. 12. М., 1948.
3. Дневник Софьи Андреевны Толстой. 1897–1909. М.: Север, 1932.
4. Толстой в 1880-е годы. Записки И. М. Ивакина / вст. ст. Н. Н. Гусева; публ. Н. Н. Гусева и В. С. Мишина // Серия «Литературное наследство». Т. 69: Лев Толстой. М., 1961. Кн. 2. С. 21–124.
5. И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / сост. М. И. Щербакова. М.; Оттава, 2007.
6. Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906 / ред. и прим. В. Д. Комаровича и Б. А. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. [Л.:] Прибой, 1929.

²⁸ Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой. Конфликт глазами современников. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 603.

7. Ленин В. И. Л. Н. Толстой как зеркало революции // *Он же*. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М., 1968. Т. 17. С. 206–213.
8. Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. М.; Оттава, 2003.
9. *Меньшиков М.* Лев Толстой как журналист // *Новое время*. 1908. №. 11614. 11 июля.
10. *Меньшиков М.* Толстой и власть // *Новое время*. 1908. № 11642. 10 августа.
11. *Ореханов Г., свящ.* Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой. Конфликт глазами современников. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.
12. *Розанов В. В.* Когда начальство ушло. М.: Республика, 1997.
13. *Скворцов В.* К истории отлучения Л. Н. Толстого // *Колокол*. 1915. № 2850. 10 ноября.
14. *Страхов Н. Н.* Философские очерки. Изд. 2-е. Киев, 1906.
15. *Суворин А. С.* Дневник. Пг., 1923.
16. *Толстая С. А.* Дневники: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978.
17. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928–1958.
18. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998.

Valery Fateyev. Leo Tolstoy and the Revolution: Religious Philosophy with a Nihilist Lining.

In this article, the author investigates Leo Tolstoy's journalistic activities and philosophical views in light of the centennial of the Revolution of 1917. The essay focuses on Tolstoy's pseudo-religious philosophy of "non-violence", its formation, influence on pre-revolutionary society, and its role in the revolutionary movement. The outwardly religious ethical teaching on "non-resistance to evil", with its bitter criticism of the state and the Church, disseminated social discontent under the guise of propagating truly Christian moral values. Owing to Tolstoy's great authority as an outstanding writer, his teachings markedly promoted the growth of nihilistic tendencies in Russian society on the eve of the Revolution of 1905, and played an important role in the creation of an ideological atmosphere that prepared the tragic events of 1917.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian Revolution, philosophy, nihilism, Christianity, ethical teaching, religion, church, the state, literature, rationalism, sectarianism.

Valery Aleksandrovich Fateyev – Candidate of Philological Sciences, Member of the Editorial Board of "Rostok" Publishing (vfateyev@gmail.com).